

МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ОЦЕНКИ И ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА

Мкртчян Н.В., к.г.н., ведущий научный сотрудник Института демографии ГУ–ВШЭ

В статье, на основе анализа статистических источников и обзора тематической литературы, рассматривается миграционная мобильность в России, ее динамика за достаточно длительное время, анализируются специфические для страны факторы, ее стимулирующие и дестимулирующие. Попытки сравнить уровень пространственной мобильности в России с другими странами не вполне состоятельны, т.к. опираются на малосопоставимые источники данных. Обосновывается гипотеза, согласно которой формальное, фиксируемое статистикой снижение и без того невысокой миграционной мобильности объясняется прежде всего недоучетом миграции, прежде всего ее временных форм. Приводятся оценки и отдельные характеристики временной миграции, в основном основанные на данных выборочных обследований. В современных условиях управление пространственной мобильностью в России возможно в очень узких пределах, и это необходимо осознать структурам государственного управления.

Рост пространственной мобильности населения является одним из важнейших атрибутов современности. Он связан с экономическим развитием и глобализацией экономики, увеличившейся скоростью и надежностью транспорта, распространением информации, а также неравномерностью демографического и экономического развития по странам и крупным регионам мира. Пространственная мобильность включает как собственно миграцию, которая предполагает смену индивидом постоянного места жительства, так и временные, эпизодические перемещения, роль которых возрастает.

На внутренние миграции в России в разные годы приходилось от 73% до 92% всех фиксируемых статистикой миграционных перемещений. Общее число внутренних переселений, по нашей оценке, только в 1989–2005 гг. составило 45 млн чел.

Анализ статистики, применяемый рядом российских и зарубежных исследователей при сравнении миграционной мобильности в России и других странах, показывает, что в России пространственная мобильность населения находится на сравнительно невысоком уровне. Так, в одной из своих работ Ю. Андриенко и С. Гуриев [Andrienko Y., Guriev S., 2004] приводят сравнения интенсивности внутренней миграции в России и ряде других стран (табл. 1).

Однако сами авторы признают, что ценность подобных сравнений ограничена прежде всего потому, что во многих странах регионы, между которыми осуществляется миграция, меньше российских, поэтому межрегиональная миграция в значительной мере может замещаться ежедневными поездками на работу из пригорода и обратно [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006]. Также общепризнанно, что для подготовки официальной статистики миграции в России, на которой основываются сопоставления, существует ряд методологических проблем. О них более подробно будет рассказано ниже.

Таблица 1. Внутренняя миграция в 1998 г., % ко всему населению

Корея	11,8
Финляндия	10,0
Австралия	7,9
Норвегия	6,5
Швейцария	6,1
Япония	4,9
Нидерланды	4,0
Венгрия	4,0
Чехия	1,9
Россия	1,8

Источник: статистические ежегодники по соответствующим странам (цит. по: *Besstretyannaya G. The Applicability of the Tiebout Hypothesis to Russian Jurisdictions*. — М.: Master Thesis, New Economic School, 2001).

По мнению М.Б. Денисенко, при проведении сравнительного анализа уровня внутренней территориальной мобильности разных стран следует помнить о его статистических ограничениях. Во-первых, определения внутреннего мигранта в разных странах различны; во-вторых, для определения объема перемещений (будь то маятниковые или постоянные) используются разные источники данных (регистры населения, административные источники, переписи, выборочные обследования); в-третьих, качество учета внутренних перемещений различно между странами; в-четвертых, величина межрайонных потоков зависит от размера административно-территориальных образований (чем меньше площадь, тем больше мигрантов) [Денисенко М.Б. и др., 2008]. На ограничения административно-территориального деления при учете миграции указывает и В.М. Моисеенко. В России перемещения на незначительные расстояния (например, в соседние поселения, расположенные за границей данной единицы административно-территориального деления) могут рассматриваться как миграция. В то же время перемещения в пределах некоторых административно-территориальных единиц, возможно даже на более значительное расстояние, могут не учитываться как миграция [Моисеенко В.М., 2004]. Даже в Европе, где система учета миграции налажена хорошо, статистические сравнения внутренней миграции между странами затруднены [Poulain M., 1994].

Тем не менее имеющиеся данные позволяют установить принципиальные различия между странами по интенсивности внутренней миграции для населения в рабочих возрастах, а также по степени вовлеченности населения в маятниковые перемещения. Так, в 2005 г. среди стран с большой территорией наиболее высокой интенсивность межрегиональной миграции была в США — 26 на 1000 чел. населения. В Австралии этот показатель равнялся 17 на 1000, а в Канаде — ~9. Для сравнения отметим, что в России интенсивность внутренней межрегиональной миграции составляла 5,7 на 1000 чел. Что касается других стран с меньшей территорией, то высокий уровень межрегиональной миграции наблюдался в Великобритании (между 19 регионами и метрополитенскими ареалами) и Японии (между префектурами), Швеции (между 21 регионом) — почти 20 перемещений на 1000 чел. населения. В миграциях между землями Германии участвует 13–14 чел. из тысячи. Сопоставимой с российской интенсивность межрегиональной миграции в 2005 г. была в Испании (7,8), Чехии (7,3), Швеции (7,1), Италии (5,6). В Польше, Греции и Словакии интенсивность межрегиональных перемещений была ниже,

чем в России¹. По расчетам С.В. Рязанцева (2004), миграционная активность населения России в 5 раз ниже, чем в США, однако методики расчетов автор не раскрывает. Отставание населения России в уровне мобильности от населения США показывают и расчеты Борнхорста и Коммандера (2004), однако российский уровень все же выше уровня Венгрии, Румынии и Франции.

Сравнения миграционной мобильности с другими странами проводились и ранее. Так, в 1980 г. 31,2% населения США из числа лиц, родившихся в стране, проживали не в том штате, где родились. В СССР в то время, по оценкам Ж.А. Зайончковской, сопоставимые данные составляли примерно 23–25% населения страны.

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Нет однозначного ответа на вопрос, насколько миграционная мобильность в России в советский период поддерживалась или сдерживалась государством. С одной стороны, в стране постоянно развертывались организованные государством кампании по переселению многих тысяч и даже миллионов человек в районы быстрого индустриального развития, в основном на востоке страны. С другой — государство сдерживало миграцию, в том числе посредством системы паспортизации и сопутствующей ей прописки.

Процесс организованного переселения в районы быстрого индустриального развития не всегда шел гладко, и даже в период безусловного господства плановой экономики население в основном совершало самостоятельные переселения. По оценке А.В. Топилина (1975), максимального значения организуемая государством миграция достигла в конце 1940-х гг. и составляла 40% всех переселений. По оценкам для конца 1970-х — начала 1980-х гг., доля управляемой (контролируемой Госкомструдом) миграции в России составляла 15% [Денисенко М.Б. и др., 1989].

В годы репрессий конца 1920-х — начала 1950-х гг. осуществлялись массовые высылки и депортации сотен тысяч людей в регионы Севера и Сибири [Ткаченко А.А., 2002]. Многие крупные города в российском Заполярье создавались за счет фактически бесплатного изнурительного труда заключенных. Репрессированные после отбытия срока заключения оставались на поселении в северных городах и зачастую не имели права выезжать оттуда [Малева Т.М., 1998].

Долгое время государство стимулировало миграцию в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, устанавливая надбавки (коэффициенты) к заработной плате и предоставляя многие льготы работающему там населению (льготный пенсионный стаж, возможность внеочередного приобретения предметов длительного пользования, бронирование жилья в регионах выезда, бесплатный проезд к местам отдыха, лучшее снабжение продуктами питания и т.п.)². По оценке Ж.А. Зайончковской (1991), постепенно эти меры привели к тому, что на российском Севере и в целом в регионах с тяжелыми природно-климатическими условиями образовалось избыточное население, его заселенность существенно превышала заселенность

¹ Рассчитано Денисенко М.Б. по данным национальных статистических органов.

² Эти льготы и компенсации описаны во многих работах. См., например: *Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. — М.: ТЭИС, 2004. С. 100–108; *Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера.* — М.: ИЭПП, 2001. С. 92–103; *Регент Т.М.* Миграция в России: проблемы государственного управления. — М.: Изд-во ИСЭПН, 1999. — 304 с.; *Зайдфудим П.Х., Фролов О.П., Бобков О.И. и др.* Социальная реабилитация населения Севера России. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 1994. — 94 с.

схожих в природно-климатическом отношении регионов других северных стран (например, Канады), где нет таких крупных городов, как на севере России. Оценки перенаселенности российского Севера, сделанные в начале 1990-х гг., составляли от 20% до 40% [Зайдфудим П.Х., 1993]. По расчетам А.И. Трейвиша, Россия заселена более равномерно, чем другие крупные страны (Китай, США, Канада). Средний россиянин даже в европейской части страны живет в более суровых климатических условиях, чем средний житель Швеции, где среднегодовая температура такая же, как в Европейской России. В северных регионах России выше распаханность территории [Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И., 2003]. Анализ подушевых температурных значений показывает, что за советские десятилетия Россия стала «экономически холоднее», в то время как в странах с рыночной экономикой производства переместились в более теплые районы. Средний россиянин сегодня живет при средней температуре, которая на 1 °С ниже, чем в 1913 г. [Hill F., Gaddy C., 2003].

Специфической чертой устройства российской территории является искаженная структура городов. В царской России и особенно в советский период многие постоянные поселения в Сибири и на Дальнем Востоке создавались там, где они никогда не появились бы в условиях рыночной экономики. В России нарушено правило Зипфа, ощущается нехватка городов «второго ряда» [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Начиная с 1990-х гг. происходит деградация социальной инфраструктуры, транспортной сети, особенно выраженная на востоке страны [Тархов С.А., 2002], быстро убывает население восточных регионов страны, прежде всего в результате миграции на запад. В некоторых исследованиях продемонстрирован высокий потенциал миграционной мобильности населения российского Севера: так, обследование лиц, проживающих в четырех северных регионах в 1998 г., показало, что масштабы потенциальной миграции очень велики, перебраться были готовы свыше 50% населения [Heleniak T., 2002], и эти намерения постепенно реализуются.

Что касается сдерживания миграции посредством системы паспортизации и прописки, этот процесс подробно описан в работах историков и демографов начала 1990-х гг. [Попов В., 2004]. В работах отечественных исследователей миграции в более ранний период эта проблема в силу объективных причин практически не исследовалась, упоминались только административные ограничения оттока населения из сельской местности и ограничение роста крупных городов [Дмитриев А.В., Межевич М.Н., 1981].

Однако эти меры имели ограниченный успех. Так, неудачные попытки сдержать рост населения Москвы предпринимались с конца 1920-х гг. [Моисеенко В.М., Переведенцев В.И., Воронина Н.А., 1999]. Власти стремились ограничивать строительство в Москве крупных промышленных предприятий, делались попытки создания городов-спутников (например, Зеленоград). В 1959 г. Генплан Москвы предполагал ограничить ее население 5 млн чел., однако сдержать рост населения города не удавалось даже в эпоху торжества плановой экономики и жесткой административно-командной системы.

Несмотря на многочисленные декларации, с миграцией в Москву не справляются столичные власти и сегодня. Москва и Московская область в 2001–2005 гг. аккумулировали 85% чистой миграции в Центральный округ, в 2007 г. — 73%. И это только данные статистического учета. К ним стоит добавить временную и маятниковую миграцию. В 1985 г. число маятниковых мигрантов оценивалась в 1 млн чел. [Там же]. Оценки числа маятниковых

мигрантов в начале 2000-х гг. достигают 3 млн чел. [Смидович С.Г., 2005], однако эта цифра несколько завышена.

Имели место и меры экономического сдерживания миграции. Так, в сельской местности российского Нечерноземья в 1980-х гг. постоянным работникам совхозов и других государственных предприятий устанавливались надбавки к заработной плате за непрерывный стаж работы [Моисеенко В.М., 1985].

ДИНАМИКА МОБИЛЬНОСТИ

В России в течение XX в. миграционная мобильность населения росла: с 1926 по 1979 г. она более чем удвоилась, отражая высокие темпы урбанизации, повышение уровня образования населения [Зайончковская Ж.А., 1991]. Доля населения, проживавшего в местах постоянного жительства менее двух лет, составлявшая в 1926 г. 3,5%, в 1970 г. — 5,8%, к 1979 г. достигла 7,7%. Очень большие масштабы миграции фиксировались в отдельные годы массивной индустриализации страны: так, с 1935 г. число прибывших в города составило 13,7 млн чел., немногим меньше эти цифры были и в предшествующие этому годы [Труд в СССР..., 1936].

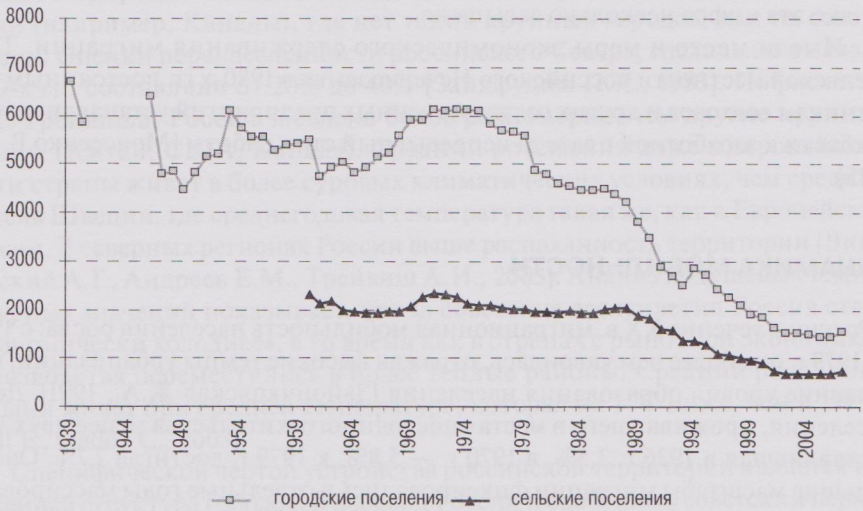
В последующие десятилетия миграционная активность населения стала снижаться довольно быстрыми темпами (*рис. 1*). Однако в это же время произошли серьезные изменения в системе статистического учета мигрантов, как международных, так и внутренних, что осложняет анализ данных за длительное время и делает их малосопоставимыми. В частности, разрушилась система учета учебной миграции [Чудиновских О.С., 2004]. Современная статистика миграции уже существенно отличается даже от систем сбора данных в других странах бывшего СССР [Там же, 2006].

Таким образом, уровень пространственной мобильности населения России в постсоветский период снизился примерно вдвое — до уровня, имевшего место в России перед Первой мировой войной [Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н., 2008].

Снижение пространственной мобильности зафиксировала и последняя российская перепись, проведенная в 2002 г. Доля людей, никогда не переезжавших — местных уроженцев, к 2002 г. сильно выросла — до 55,8% против 49,3% в 1989 г. и 46,1% в 1979 г. (*рис. 2*). Сейчас люди, безвыездно проживающие в местах своего рождения, заметно преобладают в населении страны, причем эта тенденция прослеживается и у городского, и у сельского населения, но у городского населения она выражена особенно четко.

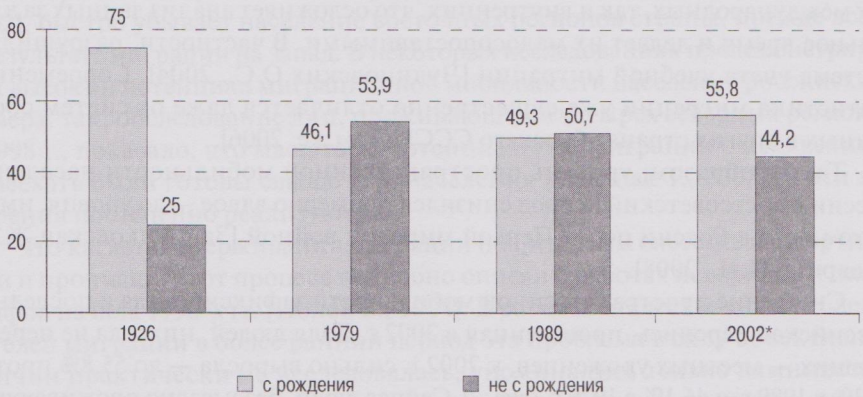
Известно, что перепись населения 2002 г. подкорректировала оценки масштабов международной миграции в Россию за 1990–2002 гг., добавив 1,8 млн дополнительных международных мигрантов [Население России..., 2006]. Однако по ее результатам необходимо внести определенную корректировку и в масштабы внутренней миграции. Ведь население почти 70 регионов по численности не дотянуло до расчетных показателей, в то время как население Москвы, Московской области, ряда регионов юга страны существенно превысило оценку по данным текущего учета. Напомним, что в межпереписной период отмечен повсеместный недоучет прибытий по внешней миграции, следовательно, масштабы внутреннего перераспределения населения должны были быть еще существеннее. Перепись позволила учесть часть «квазивременных» (по выражению В.М. Моисеенко) мигрантов.

Рисунок 1. Число прибывших (вся миграция), Россия, тыс. чел.

Источники: Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 1998; Численность и миграция населения России, 1998–2008.

Рисунок 2. Население, проживающее в месте жительства с рождения и не с рождения, %

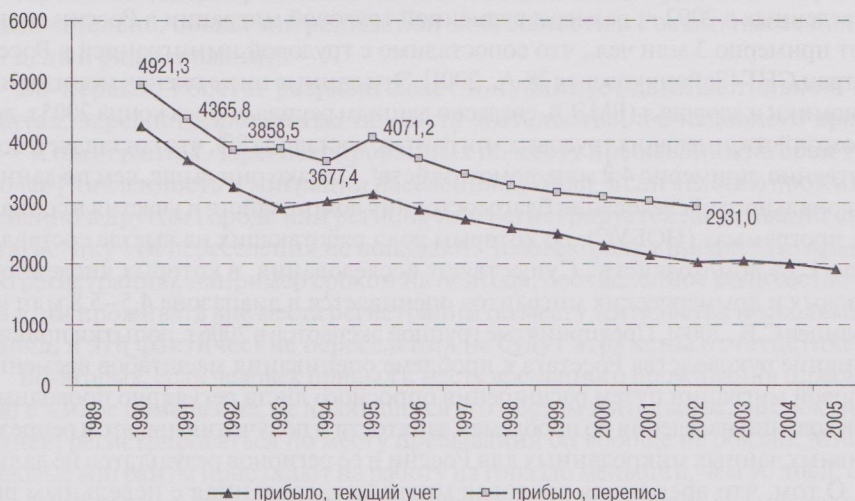
Примечание: Неуказавшие время проживания (в 2002 г. — 1,4%) пропорционально распределены.

Источник: Население России — 2005. 13-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский; ГУ—Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 213. Расчеты Ж. А. Зайончковской.

В 2004 г. Центр демографии и экологии человека ИНП РАН по заказу Росстата производил оценку количества прибывших и выбывших по России и отдельно по каждому региону в 1990–2002 гг. Поправка на прибывших по внешней миграции легко высчитывается исходя из скорректированных данных миграционного прироста в 1990–2002 гг., все остальные недоучтенные прибытия — внутренняя миграция.

Если сопоставить эти оценки с данными текущего учета населения (рис. 3), становится очевидно, что недоучет внутренней миграции имел место все эти годы, однако примерно с 1995 г. его масштабы в соотношении

Рисунок 3. Количество прибывших по внутренней миграции, тыс. чел.

Источник: Оценки ЦДЭЧ ИНП РАН, 2004; Численность и миграция населения России, 2003–2005.

с регистрируемыми масштабами миграции стали более существенными. Наши оценки показывают, что к 2002 г. недоучтенная внутренняя миграция составляла приблизительно 30%³. Недоучтенный статистикой выезд населения из регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть России ориентировочно мог достигать 1 млн чел. [Мкртчян Н. В., 2005]

Если принимать во внимание эти оценки, спад масштабов внутренней миграции в 1990-е гг. был несколько более плавным: они сократились не на 50%, а на 40% — с 4,9 млн в 1990 г. до 2,9 млн в 2002 г. Однако эти расчеты, опирающиеся на тренды регистрируемой миграции, также показывают продолжающийся до этого времени спад масштабов внутренних переселений.

Результаты переписи населения вскрывают масштабы неучтенной миграции молодежи, которую притягивают региональные центры. По нашим расчетам, за межпереписной период (1989–2002 гг.) население ряда региональных центров в возрасте 15–24 лет увеличилось за счет миграции из других городов и районов этих регионов на 20–25% [Мкртчян Н. В., 2008; Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., 2009]; соответственно, столько же молодежи недосчитываются села, малые и средние города. Официальная статистика эту миграцию в основном не учитывает или учитывает с большим временным лагом.

СМЕНА ФОРМ МИГРАЦИИ И РОЛЬ НЕДОУЧЕТА

Многие исследователи признают, что в конце 1990-х гг. миграция, связанная со сменой постоянного места жительства, вытесняется временными формами пространственной мобильности. Об этом свидетельствует широко развернувшаяся в постперестроечное время внутренняя трудовая миграция. По масштабам она напоминает «отходничество», распространенное в России в конце XIX — первой трети XX в. Его масштабы достигали 5–6 млн чел. в год [Моисеенко В. М., 2004].

³ Эти оценки подтверждаются в работе Ж. А. Зайончковской и Н. Н. Ноздриной.]

По оценкам, основанным на обследованиях домохозяйств в 7 городах России, проведенных в 2002 г., размеры временной трудовой миграции в России составляют примерно 3 млн чел., что сопоставимо с трудовой иммиграцией в Россию из стран СНГ [Зайончковская Ж.А., 2001]. Эти данные ниже оценок мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ), согласно данным раунда опроса конца 2005 г. доля домохозяйств, имеющих трудовых мигрантов, составила 8%, что составляет, соответственно, примерно 4,2 млн. домохозяйств⁴. Однако они выше, чем по данным национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), по которым доля работающих на выезде составляет около 1,3% домохозяйств⁵. Существуют исследования, в которых численность трудовых и коммерческих мигрантов оценивается в диапазоне 4,5–5,8 млн чел. [Рязанцев С.В., 2004]. Предпринятые группой экспертов в 2006 г. попытки привлечь внимание руководства Росстата к проблеме оценивания масштабов временной трудовой миграции путем расширения опросного листа регулярно проводимых обследований населения по проблемам занятости и получения при этом репрезентативных данных микроданных для России и ее регионов результатов не дали.

О том, что временная трудовая миграция, связанная с недельным ритмом (люди работают в соседних областях, возвращаясь домой только на выходные), особенно распространена в регионах Центральной России, писали эксперты Всемирного банка еще в 2001 г. [Pinto V., Drebensov V., Titov S. et al., 2001]. Недоучет временной миграции серьезно обедняет анализ масштабов пространственной мобильности. Например, в Китае величина «текучего населения» (*floating population*) достигает 80 млн чел. по сравнению с 20 млн чел. „зарегистрированных мигрантов“» [Kam Wing Chan, Yang Yunyan, 1997].

Согласно данным одного из недавних российских обследований населения⁶, распространенность работы на выезде (исключая маятниковую миграцию и работу вахтовым методом) составляет 4,4%: столько опрошенных указали, что в течение последних двух лет они или члены их семьи выезжали с целью заработка в другие населенные пункты, в том числе 1,7% опрошенных указали, что такого рода поездки совершаются постоянно. По крайней мере для 2/3 опрошенных работа на выезде является основным и/или единственным занятием.

Согласно исследованиям в г. Липецке [Денисенко М.Б., 1996], В начале 1990-х гг. на заработки выезжало всего лишь 3,7% опрошенных. В год проведения обследования отправиться на заработки собирались 5,2% опрошенных, и только лишь 1,1% респондентов сказали, что точно поедут работать в другие регионы.

⁴ Обследование 5 тыс. домохозяйств, репрезентирующих РФ в целом. Раунд поведился в октябре-декабре 2005 г. Вопрос в обследовании звучал так: Кто-нибудь из членов домохозяйства выезжал в другие населенные пункты на работу в течение последних 12 месяцев (командировки не учитывался)?»

⁵ Следует отметить, что время проведения обследований домашних хозяйств (апрель-май для НОБУСа и октябрь-декабрь для РМЭЗ) могло привести к недооценке сезонной трудовой миграции и тем самым миграции в целом.

⁶ Проводилось Центром миграционных исследований совместно с Левада-Центром в декабре 2005 г. в 10 центрах субъектов РФ: Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Казани, Краснодаре, Владивостоке, Оренбурге, Белгороде, Смоленске и Нальчике. Общее число респондентов — 3220 чел., опрашивалось все население по репрезентативной для городов выборке. Некоторые результаты обследования изложены в: Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98–112; Флоринская Ю.Ф. Влияние материального положения и жилищных условий на мобильность российского населения // Проблемы прогнозирования. 2008. №6. С. 140–155; Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы / Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2008. С. 571–604.

Проблема оценки реальных масштабов временной трудовой миграции, а следовательно, общей миграционной мобильности в России имеет под собой целый ряд оснований.

Во-первых, Росстат разрабатывает и публикует данные только о мигрантах, зарегистрированных по месту жительства, а с недавнего времени — и о мигрантах, зарегистрированных по месту пребывания на срок 1 год и более [Численность и миграция населения..., 2008]. Если человек проживает временно в другом городе или регионе или регистрируется на меньший срок, в статистику эти переселения не попадают. Человек может продлевать временную регистрацию, например сроком на полгода, бесчисленное количество раз, при этом проживать вне места регистрации по месту жительства несколько лет подряд, и эти фактические переселения не будут отражены в статистике.

Во-вторых, если человек прибыл к месту временного проживания (пребывания) в жилое помещение, не являющееся его местом жительства, на срок менее 90 дней, регистрироваться по месту пребывания он вообще не обязан. Многие трудовые мигранты приезжают на работу на гораздо меньший, чем 90 дней, срок (имеется в виду не срок контракта, который может быть сколь угодно долгим). При этом, выезжая, например, раз в месяц к месту постоянного жительства, которое может находиться в другом субъекте РФ, регистрироваться в том городе, где работают, они не обязаны. Проблем с работодателями в этом случае обычно не возникает. Наши углубленные интервью, проведенные в недавних исследованиях [Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., 2007], показывают, что немногие работодатели спрашивают у своих работников регистрацию. Не является отсутствие регистрации и большой проблемой во взаимоотношениях с милицией. Человеку со славянской внешностью достаточно показать билет с датой приезда.

Масштабы нерегистрируемой внутренней миграции, как временной, так и на длительный срок или навсегда, могут быть достаточно велики. Например, в г. Астане (Казахстан) в июле 2000 г. «в целях обеспечения выполнения юридическими и физическими лицами «Правил документирования и регистрации населения Республики Казахстан» была проведена акция «Я — житель столицы», в ходе которой было зарегистрировано 153,5 тыс. чел. (это почти треть населения города), проживающих в столице с 25 февраля 1999 г. по 31 августа 2000 г. без регистрации в органах внутренних дел [Миграция населения Республики Казахстан..., 2002]. В большинстве своем это были не нелегальные иммигранты из других стран, а выходцы из других регионов и городов страны. Конечно, случай с новой столицей Казахстана нетипичный, город строится и развивается усиленными темпами, для российской столицы это уже давно пройденный этап. Но этот пример показывает, какой может быть латентная миграция в соотношении с «видимым» потоком, который составлял несколько тысяч в год. Но масштабы миграции в Москву тоже впечатляют: по данным УФМС по г. Москве, в 2007 г. в столице численность зарегистрированных по месту пребывания (т.е. постоянно зарегистрированных в других регионах страны) составила 1227 тыс., за тот же период поставлено на миграционный учет иностранных граждан 1712 тыс.⁷

Временные мигранты — российские граждане и иностранцы — явно тяготеют к крупным городам. Это показывают наши исследования в российских

⁷ Следует уточнить, что данные цифры фиксируют число **регистраций**, а не число зарегистрированных людей, находящихся одновременно в столице. Так как регистрация по месту пребывания и постановка на миграционный учет осуществляются на разный срок, то один и тот же человек мог в течение года быть зарегистрирован не один раз. Подробнее см.: Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2–15 июня 2008 г. № 335–336; <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>

регионах: Оренбургской и Нижегородской областях в 2002 г., в Иркутской и Калининградской областях в 2007 г., в Красноярском крае в 2008 г. Эти миграционные потоки не попадают в статистику, которую регулярно публикует Росстат, но с ней можно ознакомиться в УФМС.

В-третьих, внутренняя трудовая миграция имеет много видов и форм, и провести четкую грань между ними очень сложно [Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., 2007].

Как показывают уже приводимые ранее данные обследования миграционной мобильности населения крупных городов в конце 2005 г., среди респондентов, которые сами или члены их семей имели в последние два года работу на выезде, немногим более четверти выезжали на заработки в другие поселения в пределах «своего» субъекта Федерации, в другие регионы выезжали 57,2%. При этом очень многие выезжали в Москву или Московскую область. За пределами России временную работу имели 16,3% мигрантов, большая часть из них — в странах традиционного зарубежья

Основные сферы занятости на выезде: торгово-посредническая деятельность — 22%, строительство — 36%, занятость в промышленности — 11%. В качестве работников сельского хозяйства, сотрудников охраны, водителей на городском транспорте и нянь трудились по 1–4% опрошенных.

Работа на выезде в 40% случаев занимала меньше месяца, более года трудились только 11% опрошенных. Наиболее часто непродолжительную занятость на выезде указывали занятые в торгово-посреднической деятельности; среди занятых в строительстве или промышленности существенно доля тех, кто работал достаточно продолжительное время.

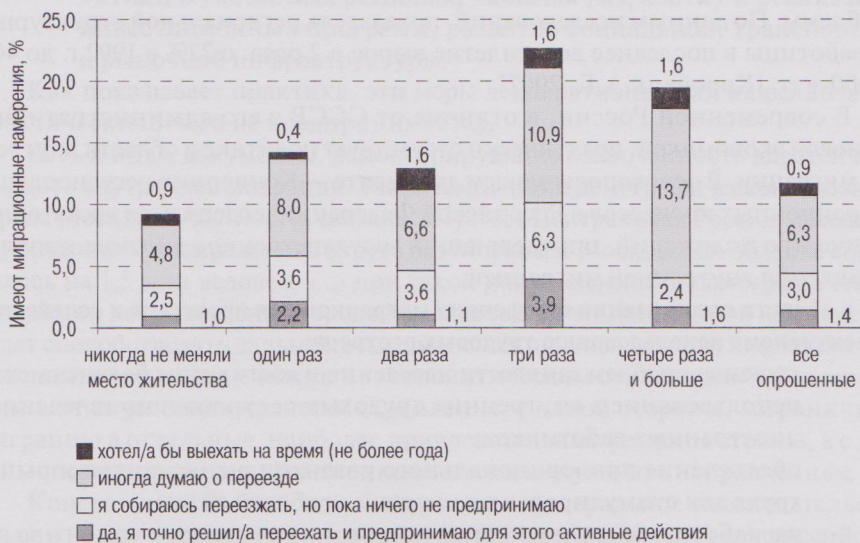
Временная трудовая миграция способствует формированию миграционных намерений, т.е. в перспективе ведет к миграции, уже связанной с изменением постоянного места жительства. Респонденты, которые имели работу на выезде, чаще собираются в будущем переехать в другой населенный пункт: такие намерения высказывали 41% тех, кто ездит постоянно, 22% выезжающих иногда и только 11% не выезжающих на заработки. Предпринимали для этого конкретные шаги 7,1% постоянно работающих на выезде против 1,3% тех, кто не выезжает на заработки; собирались переезжать, но не предпринимали для этого конкретных шагов — 12,5% против 2,9%; иногда задумывались — 21,4% против 5,7%.

Предыдущая миграционная активность влияет на потенциальную миграционную активность и формирование миграционных намерений в будущем. Как показали данные обследования «Миграционная мобильность населения России», опрошенные, сменившие место постоянного жительства в прошлом, имеют и более высокие миграционные установки на будущее, причем максимальные миграционные намерения у тех, кто переезжал 3–4 раза (рис. 4).

Работа на выезде — хороший способ подготовить свой переезд (люди часто переезжают туда, куда ранее приезжали на время). Так, по данным опроса, проведенного Центром миграционных исследований в 2004 г.⁸, среди причин, побудивших респондентов выбрать для жительства именно данный населенный пункт, 15% указали, что здесь ранее работали сами или родственники. По рангу эта причина уступает только переезду к родственникам. Потенциальный мигрант имеет возможность подготовить свой переезд: встроиться в рынок труда, подыскать подходящее жилье для семьи и т.п.

⁸ Было опрошено 713 семей в 7 областных (краевых) центрах России.

Рисунок 4. Доля имеющих миграционные намерения в зависимости от прежнего миграционного опыта

Источник: данные обследования «Миграционная мобильность населения России».

Влияние предыдущего миграционного опыта на потенциальную миграционную активность подтверждается также данными других исследователей [например, Кузнецова П. О., Федорев А. В., 2006].

Мы полагаем, что миграция на постоянное место жительства и временные миграции находятся в тесной взаимосвязи. С конца 1990-х гг. снижение масштабов миграции на ПМЖ сопровождается ростом временной, нефиксируемой статистикой миграции. Несмотря на «пережитки» прошлого, прописка (ныне регистрация на ПМЖ) уже становится необязательной для очень многих россиян. Необязательно иметь в городе, где работаешь, постоянное жилье — квартиру или место в общежитии. Для проживающих на арендуемой жилплощади регистрация на ПМЖ невозможна, на какой бы длительный срок человек ни поселился.

В то же время и миграция на ПМЖ, и временные формы мобильности имеют очень близкие направления. Прежде всего миграция на ПМЖ постепенно «вырастает» из временной миграции, и это подтверждается нашими исследованиями. Особенно в постсоветской России, когда практически отсутствует организуемая государством миграция. Миграция на ПМЖ фактически является завершением длительного периода, в течение которого человек проживал в том или ином населенном пункте временно.

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ УПРАВЛЕНИЯ МОБИЛЬНОСТЬЮ

Низкая миграционная подвижность населения усугубляет демографическую ситуацию в России, не способствует интересам рыночной экономики, препятствует более полному использованию рабочей силы и в конечном счете консервирует бедность [Зайончковская Ж. А., Ноздрин Н. Н., 2008]. Экономисты утверждают, что российская безработица в значительной мере носит структурный характер: дефицит рабочей силы в одних регионах и отраслях сочетается с ее избытком в других [Коровкин А. Г., 2003, 2007; Коровкин А. Г.,

Парбузин К. В., 2006]. Низкая миграционная активность населения, а также существующие в стране «барьеры мобильности» препятствуют решению этой проблемы. По данным исследований, показатель региональной структурной безработицы в последнее десятилетие вырос в 2 раза: с 22% в 1992 г. до 40% в 2000-е гг. [Коровкин А. Г., 2007].

В современной России, в отличие от СССР с его административно-плановой экономикой, практически отсутствует политика в области внутренней миграции. В основополагающем документе — Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации⁹ содержится достаточное количество положений, определяющих государственное видение проблем управления внутренней миграцией:

в области оптимизации внутренних миграционных процессов и содействия эффективному использованию трудовых ресурсов:

- решение проблем занятости населения и достижение баланса между использованием внутренних трудовых ресурсов и привлечением иностранных работников;
- обеспечение пропорционального развития рынка жилья и рынка труда для стимулирования миграции рабочей силы;
- разработка механизмов стимулирования территориального перераспределения экономически активного населения для обеспечения сбалансированности региональных рынков труда;
- определение перспективных либо не рекомендуемых для расселения мигрантов территорий и населенных пунктов;
- разработка мер по созданию новых и сохранению имеющихся рабочих мест, а также основных условий жизнеобеспечения населения в районах с высоким оттоком населения и критическим состоянием рынка труда;
- государственная поддержка переселенцев из неперспективных населенных пунктов;
- развитие межбюджетных отношений, формирование федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на основе учета состояния рынка труда в отдельных регионах страны;
- использование ротационной системы формирования трудовых ресурсов, применение вахтового метода в регионах с тяжелыми природно-климатическими условиями;
- оптимизация внутренней миграции на основе прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации и Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации;

в области создания условий для сохранения и дальнейшего формирования населения в северных, восточных и приграничных регионах Российской Федерации:

- восстановление экономической активности организаций, расположенных на территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, за счет привлечения рабочей силы из других районов страны;
- стимулирование миграции населения Российской Федерации, а также граждан государств — участников Содружества Независимых Государств и государств Балтии в северные и восточные регионы страны и регулирование иммиграции в приграничные регионы Российской Федерации;

⁹ Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.03.2003 № 256-р.

- проведение активной экономической и градостроительной политики в указанных регионах, включая разработку и реализацию инвестиционных программ, развитие социальной, транспортной и рыночной инфраструктуры.

Как показывает практика, эти меры декларативны, для их реализации практически ничего не предпринимается.

Есть и иные документы, демонстрирующие озабоченность властей проблемами внутренней миграции. Так, в Концепции демографического развития города Москвы, в частности, сказано: «Пустеет Центральная Россия: население одноименного федерального округа без Москвы и Московской области сократилось на 1,5 млн человек, <...> при такой направленности демографических тенденций рост населения города Москвы за счет миграционной компоненты будет способствовать дальнейшему уменьшению численности населения территорий, в том числе и важных в геополитическом отношении»¹⁰. Естественным в этих условиях является стремление, с одной стороны, «ограничить» миграцию в отдельные, наиболее привлекательные регионы страны, а с другой — перенаправить миграционные потоки в «нужных» направлениях.

Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство России не предусматривают административных ограничений для российских граждан в выборе места пребывания и жительства. Для иностранцев, законно находящихся на территории России, не возбраняется смена места пребывания. В соответствии с действующим законодательством, возможности административными мерами направлять потоки иммигрантов (иностранцев) существуют только до приобретения ими статуса постоянно проживающих на территории России (вида на жительство) или гражданства РФ.

Кроме того, государство ограничено и в мерах экономического стимулирования миграции в «нужных» направлениях, тем более что нет ясности в том, куда необходимо направлять миграционные потоки (а главное, откуда брать) в условиях повсеместной нехватки населения [см. подробнее: Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И., 2003].

Внутренние перемещения населения должны осуществляться в тех направлениях и в таких масштабах, которые отвечают социально-экономическим реалиям. Процесс формирования условий, воздействующих на эти процессы, в основном лежит вне сферы компетенции миграционной политики. Существующие реалии таковы, что и внутренние мигранты, и иммигранты стремятся в регионы с более высоким уровнем жизни, с хорошими возможностями для трудоустройства и самореализации. Наиболее привлекательны для них крупные и крупнейшие города, имеющие сформированные ниши труда. Как это ни парадоксально, но чем больше будет приезжать иммигрантов в крупные города и занимать там традиционные ниши мигрантского труда, тем с меньшей скоростью будут пустеть российские села и малые города. В масштабах страны это будет означать, что свободное расселение иммигрантов в городах Европейской России будет препятствовать быстрому оттоку населения из регионов восточной части страны, это показывают и прогнозные расчеты, разрабатываемые ЦДЭЧ ИНП РАН¹¹ и Институтом демографии ГУ–ВШЭ.

Невыполнимы в современной России меры миграционной политики, направленные на «разворот» существующих направлений миграции [Мкртчян Н. В., 2003, 2004], на серьезное изменение системы расселения

¹⁰ Концепция демографического развития города Москвы. Утверждена постановлением Правительства Москвы от 28.06.2005 №482-ПП.

¹¹ Подготовлены по заказу Росстата в 2003 и 2005 гг. Не публиковались.

в стране. Социологические опросы убедительно показывают нежелание населения западных регионов ехать на восток [Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н., 2008]. Система расселения очень устойчива и инерционна, и попытки сломать ее ни к чему не приведут. Неправильно и проводить политику по искусственному сдерживанию миграции из сельской местности в города, а также политику по искусственному сдерживанию роста городов.

Разворот миграционных потоков, попытка нового заселения восточных регионов страны объясняется необходимостью сокращения «демографического дисбаланса» с соседним Китаем. Но даже в короткий срок, удвоив там население, мы сократим демографический дисбаланс с 1: 30 до 1: 15. А чтобы сравняться по плотности населения с Северным Китаем, потребуется примерно 500 млн чел. [Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Мкртчян Н.В. и др., 2004].

Формирование населения восточных районов страны в конце XIX — начале XX в. осуществлялось в условиях совершенно отличной демографической ситуации (рост населения на 2–3,5% в год), проблемы крестьянского малоземелья и связанного с этим избыточного населения в ряде губерний европейской части страны. В настоящее время лишнего населения нет в России нигде, за исключением, пожалуй, ряда республик Северного Кавказа (и то эти излишки — результат постоянно отстающего экономического развития региона). Помимо того что у государства нет ни административных, ни экономических возможностей для управления процессами внутренней миграции, нет необходимых человеческих ресурсов, которыми можно было бы управлять [Вишневский А.Г., Денисенко М.Б., Елизаров В.В., 2007].

С середины 2000-х гг. в ряде субъектов Российской Федерации, в макрорегионах (на уровне федеральных округов) разрабатываются концепции и стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. Многие из них ставят своей целью привлечение населения из других регионов страны, а также сдерживание миграции «своего» населения, в том числе молодежи. С одной стороны, региональные власти демонстрируют заинтересованность проблемами сохранения населения и трудовых ресурсов, с другой — в разрабатываемых документах не предусмотрено никаких рычагов для осуществления этого.

Таким образом, анализ статистики и публикаций по миграционной активности населения России показывает, что масштабы мобильности, основанные на данных официальной статистики, невелики, однако при этом не учитываются многообразные формы временной мобильности, не связанной со сменой постоянного места жительства в российском понимании. Все это сильно осложняет (если не сказать, делает невозможным) оценку масштабов мобильности в межстрановом контексте.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Мкртчян Н.В. и др. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. — М.: ИЭПП, 2004. С. 43–44.

Андрюченко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Серия «Аналитические разработки и отчеты». ЦЭФИР. 2006. №23. Апрель. С. 19.

Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора // Научные труды №53Р. — М.: ИЭПП, 2003. С. 28–36.

Денисенко М.Б. Миграция населения в Липецкой области: тенденции, влияние на демографическую динамику, направления регулирования // Демографический вестник. 1996. №1.

- Денисенко М. Б., Денисова И. Г., Карачурина Л. Б. и др. Разработка модели организации трудоустройства в другой местности граждан, ищущих работу, органами государственной службы занятости и рекомендации по ее администрированию: Отчет для Роструда. — М.: 2008 [не опубликован].
- Денисенко М. Б., Ионцев В. А., Хореев Б. С. Миграциология. — М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 65.
- Дмитриев А. В., Межевич М. Н. Социалистическая урбанизация и ограничение роста крупнейших городов // Социологические исследования. 1981. №11. С. 15–16.
- Зайдфудим П. Х. Реабилитация жизненной среды российского Севера. — М.: Госкомсевер России, 1993. С. 31.
- Зайдфудим П. Х., Фролов О. П., Бобков О. И. и др. Социальная реабилитация населения Севера России. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 1994. — 94 с.
- Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. — М.: Наука, 1991. С. 58.
- Зайончковская Ж. А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности // Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России» / Под ред. О. Д. Воробьевой. — М., 2001. С. 21.
- Зайончковская Ж. А., Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция в России: правовая практика. — М., 2007. С. 24–26.
- Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России // Проблемы прогнозирования. 2008. №4. С. 98–112.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А. Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2008. С. 571–604.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А. Г. Коровкин. — М.: МАКС Пресс, 2009 [в печати].
- Коровкин А. Г. Дихотомия «дефицит — безработица» на российском рынке труда // Демоскоп Weekly. 19 февраля — 4 марта 2007 г.; <http://demoscope.ru/weekly/2007/0277/analit03.php>
- Коровкин А. Г. Структурная асимметрия // Отечественные записки. 2003. №3.
- Коровкин А. Г., Парбузин К. В. Оценка несбалансированности спроса и предложения на российском рынке труда // Проблемы прогнозирования. 2006. №4.
- Кузнецова П. О., Федорев А. В. Микроанализ потенциальной миграции в Томской области // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика: Сб. ст. / Под ред. М. Б. Денисенко. — М.: МАКС Пресс, 2006. С. 85.
- Малева Т. М. Проблемы северной миграции: Печорский угольный бассейн / Научные доклады. — М.: Московский центр Карнеги, 1998. Вып. 21. С. 14.
- Миграция населения Республики Казахстан за январь — декабрь 2001 г. — Агентство РК по статистике, 2002. С. 5.
- Мкртчян Н. В. Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // Мир России. Т. XII. Социология, этнология. 2003. №2. С. 151–164.
- Мкртчян Н. В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. №2. С. 21–38.
- Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Демоскоп Weekly. 10–23 января 2005 г. №185–186; <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php>
- Мкртчян Н. В. Миграция в России: западный дрейф // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии ИНП РАН. 2004. Декабрь. №87.
- Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. — М.: ТЭИС, 2004. С. 35, 50, 91, 100–108, 238.
- Моисеенко В. М. Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. №7. С. 49–50.
- Моисеенко В. М. Территориальное движение населения: характеристика и проблемы управления. — М.: Мысль, 1985. С. 105.
- Моисеенко В. М., Переведенцев В. И., Воронина Н. А. Московский регион: миграция и миграционная политика // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 1999. №3. С. 42–44.

Население России — 2003—2004. 11—12-й ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Наука, 2006. С. 306.

Население России — 2005. 13-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский / ГУ—Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 186—188.

Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921—1953 // Сайт Forced Labor Camps: www.osa.ceu.hu/gulag; адрес доступа: <http://www.osa.ceu.hu/updates/2005/publications/terrorstatsru.htm>

Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. №6. С. 194.

Регент Т.М. Миграция в России: проблемы государственного управления. — М.: Изд-во ИСЭПН, 1999. — 304 с.

Рязанцев С.В. Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // Народонаселение. 2004. №3. С. 113.

Смидович С.Г. Проблемы регулирования миграции в Москве // Миграционные процессы: Прошлое. Настоящее. Будущее. Сб. материалов X и XI Московско-Берлинских международных семинаров. — М., 2005. С. 37.

Тархов С.А. Диспропорции пространственной структуры транспортной сети современной России // Третьи сократические чтения по географии (Старая Русса, 2—5 мая 2002 г.). Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов: Сб. ст. / Под ред. В.А. Шупера. — М.: Компания Спутник+, 2002. С. 145—168.

Ткаченко А.А. История депортации народов России // Российский демографический журнал. 2002. №1. С. 58—65.

Топилин А.В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. — М., 1975.

Труд в СССР: Статистический справочник. — М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. С. 7.

Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера. — М.: ИЭПП, 2001. С. 92—103.

Флоринская Ю.Ф. Влияние материального положения и жилищных условий на мобильность российского населения // Проблемы прогнозирования. 2008. №6. С. 140—155.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2007 г.: Статистический бюллетень. — М.: Росстат, 2008. С. 3.

Чудиновских О. Статистика миграции знает не все // Демоскоп Weekly. 2—15 июня 2008 г. №335—336; <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema01.php>.

Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. №10. С. 27—36.

Чудиновских О.С. Текущая статистика миграции в некоторых странах бывшего СССР // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Денисенко. — М.: МАКС Пресс, 2006. С. 7—40.

Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly 10—23 января 2005 г. №185—186; <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php>

Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data // Economics of Transition. 2004. Vol. 12. №1. P. 1—27.

Bornhorst F., Commander S. Regional unemployment and its Persistence in Transition Countries // IZA Discussion Paper №1074. March 2004. Цит по: [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Heleniak T. Migration Dilemmas Haunt Post-Soviet Russia. — Migration Policy Institute, 2002.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. — Wash., D. C.: Brookings Institution Press, 2003. Цит. по: [Андриенко Ю., Гуриев С., 2006].

Kam Wing Chan, Yang Yunyan. Internal migration in Post-Mao China: A Dualistic Approach // Demography in China. — Beijing, 1997. P. 172. Цит. по: [Моисеенко В., 2004].

Pinto B., Drebenstov V., Titov S. et al. The Russian Federation After the 1998 Crisis: Towards «Win-win» Strategies for Growth and Social Protection // The World Bank, ECA region, electronic publication. 2001. August.

Poulain M. La Mobilité Interne en Europe. Gualles Données Statistiques? // Espace, Population, Sociétés. 1994. 1. Цит. по: [Моисеенко В., 2004].